

природу, точнее, подгоняет природную среду под свой масштаб. Следовательно, когда речь идет о выявлении роли леса в традиционном образе жизни зырян, необходимо учитывать, что сама лесная, колдовская география души коми народа обусловила, запрограммировала лесную географию его расселения, а не наоборот (с. 206) или, что «различное понимание „последних“ вопросов бытия в русской и норвежской культурах породило и разные стереотипы экстремального поведения в гибельных, пороговых ситуациях», основанные не только на различной телеологии двух культур («жажда жизни» и «жажда смерти»), но и «на глубинных отличиях их пространственных менталитетов» (с. 161). Человек здесь выступает как представитель культуры с «жаждой жизни» или с «жаждой смерти» (соответственно «хтонической» или «теллурической» по типологии Л. Фробениуса), взаимопонимание между которыми затруднено из-за их «непреходимой противоположности» и «метафизического различия»⁴.

Наряду с этим удивляет незнание или, скорее хочется думать, невнимательность автора к этнографическим описаниям хозяйства и культуры саамов. Ссылаясь на работы В. В. Чернолуского, Н. М. Терехихин пишет о том, что «в традиционном саамском обществе существовало временное и половое разделение труда. Основным занятием мужчин в весенне-летний (переходный) период было оленеводство, а женщин — рыболовство. В зимнее время характер хозяйственной деятельности изменялся» (с. 187), тогда как Н. Н. Харузин, общепризнанный авторитет в области саамской этнографии, а позднее и Т. В. Лукьянченко, отмечают, что «работу в семье нельзя строго разделять на женскую и мужскую, а можно говорить о работах, преимущественно выполняемых женщинами (приготовление пищи, шитье и починка одежды, прядение шерсти и вязание, изготовление рыболовных сетей, лов мелкой рыбы в озерах и т. д.), и работах, выполняемых преимущественно мужчинами (уход за оленями, заготовка и продажа дров, ямская повинность, лов крупной рыбы, постройка карбасов и т. д.). Но в действительности в семье не всегда строго придерживались подобного разделения работ, и нередко можно было встретить лопарку, которая едет в лес за дровами или собирает оленей, а также лопаря, занимающегося приготовлением пищи или починкой одежды»⁵.

К сожалению, подобных ошибок, погрешностей или недоговоренностей в книге встречается очень много, поэтому приходится констатировать, что заявленная Н. М. Терехихиной тема так преимущественно и осталась не полностью раскрытой и недостаточно обоснованной. Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем автор учтет высказанные в его адрес критику и замечания, устранение которых может повысить значимость и ценность его новых исследований.

Несмотря на высказанные выше замечания, хочется еще раз особо подчеркнуть, что монография Н. М. Терехихина представляет собой новый нетрадиционный взгляд на историю и культуру народов севера Европы, что уже само по себе заслуживает внимания.

Примечания

¹ Куратов А. А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Учебное пособие к спецкурсу. Вологда, 1989. С. 3.

² Бернштам Т. А. Поморы. Л., 1978; *её же*. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983.

³ Бернштам Т. А. Русская народная культура... С. 95.

⁴ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

⁵ Харузин Н. Н. Русские лопари. М., 1890. С. 301—302, Лукьянченко Т. В. Семья у народов Европейского Севера (лопари) // Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 153; *её же*. Семья саамов Кольского полуострова // Социальная организация финно-угорских народов. Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 49. Сыктывкар, 1991. С. 50.

А. Н. Калабанов

© 1996 г., ЭО, № 5

В. Уарзиати. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. 233 с. Текст на русском и осетинском языках

Исследования В. С. Уарзиати по этнографии осетинского народа * известны широкому кругу ученых, занимающихся проблемами кавказоведения. Новая работа — монография «Праздничный мир осетин», увидела свет уже после смерти ученого.

Осетины, более чем какой-либо другой из народов Северного Кавказа привлекали к себе внимание исследователей, видевших в них потомков некогда могущественных скифов, сарматов, алан. Тем не менее, отдельные стороны этнографии осетинского народа, прежде всего его духовной культуры, продолжают оставаться в недостаточной степени изученными. На восполнение одного из этих пробелов и направлена книга В. С. Уарзиати.

* См. в этом же номере список основных работ В. С. Уарзиати.

Само название книги — «Праздничный мир осетин» указывает на предмет исследовательского интереса — праздник как один из основных элементов традиционной культуры осетинского народа. Отдавая должное предыдущим и с уважением относясь к будущим исследователям традиционной духовной культуры осетин, В. С. Уарзиати указывает во введении, что предлагаемая книга являет собой попытку дать собственную версию «целостного представления об осетинском празднике и тесно связанном с ним народном календаре» (с. 9).

Рецензируемая книга состоит из четырех глав. Глава III — «Феномен народной культуры» — посвящена анализу понятия праздника как многосложного явления этнической культуры осетин. При этом автор книги предпринимает весьма удачную, на наш взгляд, попытку посмотреть на календарные праздники осетин (как, впрочем, и на семейные, и на окказиональные) не только как этнолог, но и как философ и культуролог. Рассматривая традиционное миропонимание осетин как своеобразный «диалектический» клубок, в котором тесно переплелись накопленные веками реальные представления об окружающем мире и мифологические представления, В. С. Уарзиати дает нам определение календарного праздника как сложного института, знаменующего и фиксирующего посредством четко регламентированной обрядности начало или конец различных циклов хозяйственной деятельности традиционного осетинского общества в соответствии с его космогоническими представлениями. «Народный праздник со всеми присутствующими ему элементами, — отмечает автор, — преследовал одну-единственную цель, вернее сверхзадачу. Все оформление их представляет собой как бы осуществление договора между человеком, обществом и силами природы в рамках идеи космической взаимности» (с. 32).

Весьма интересной, хотя и данной в очень сжатой, тезисной форме, является попытка автора книги дать оценку диалектического единства «троичности» мифоритуальной (обрядовой) стороны осетинского праздника независимо от его функциональной направленности. Как было отмечено выше, обрядовая сторона любого праздника направлена в большинстве случаев на решение конкретных вопросов жизнеобеспечения и функционирования того или иного этноса. Основной же чертой миропонимания осетин в традиционном обществе был циклизм, т. е. придание времени циклического характера (это мы наблюдаем не только у всех представителей индоарийского мира, но и у других народов Кавказа), причем направленного к истокам мироздания: для осетинского общества было характерным видение настоящего времени через прошлое, а будущего — через настоящее.

В этой же главе автор делает небольшой экскурс в историю календаря вообще и осетинского в частности, приводит существующие в осетинском языке варианты названий месяцев.

Во II главе — «календарь» — В. С. Уарзиати подробно рассматривает праздники осетинского земледельческого календаря зимнего, весеннего и летне-осеннего циклов. Среди них имеются как широкоизвестные, так и малоизвестные праздники.

Основным структурным элементом осетинского праздника, особенно календарного, являлась и является коллективная трапеза. Праздничному пиршеству осетин, выполнявшему в традиционном обществе важные социальные и религиозные функции, посвящена III глава — «Пир», которая открывается описанием угвари, используемой на пириествах, и характеристикой ее функционального назначения. Основное внимание при этом уделено одному из самых высокостатусных предметов традиционного быта осетинского народа — жертвенному столику — *фынгу/фынгае*. Интересным представляется объяснение автором существующей конструкции и формы фынга. Основываясь на космогонических и мифологических представлениях осетин, Вилен Уарзиати отмечает, что круг у осетин, как и у многих других народов мира, является символом бесконечности и законченности, вечности и высшего совершенства, число же три считалось священным числом, основной константой мифопоэтического макрокосма и социальной организации. «Соединив наши сведения о конструкции столика, — пишет автор, — можно условно моделировать его как сочетание двух геометрических символов — круга и треугольника. В свою очередь они очень стройно вписываются в третью фигуру — прямоугольник, образуемый стенами жилища... Традиционное жилище выступает как один из важнейших элементов макрокосма, сакральный центр которого маркировали очажный комплекс и переносной домашний жертвенник — „фынг“» (с. 113—114).

Рассматривая традиционное осетинское застолье, будь то праздничное пириество или похороны — поминальная трапеза, автор книги, опираясь на собственный полевой этнографический материал, отмечает, что осетинское застолье, более чем все остальные институты традиционного осетинского общества раскрывает глубину мифологических и космогонических представлений осетин. Не только сам праздник, но и каждый из основных предметов и продуктов осетинского ритуального застолья помимо своего утилитарного назначения выполняют важную социальную функцию связующего звена между человеком и создавшими его природой и Богом. Так, в частности, отмечая главенствующую роль пирогов в осетинском праздничном застолье, В. С. Уарзиати пишет: «В традиционном обществе три вертикально расположенных пирога, включенные в ритуальный контекст, организовывали мифологическое пространство... число „три“ связано с тремя важнейшими категориями жизни: „хуыцау (Бог) — хур (солнце) — заехх (земля)“... Об оценке информаторами пирогов как древних символов природы и мира подсказывает нам то обстоятельство, что два верхних пирога сдвигаются относительно друг друга. Повторяя многовековой ритуал, современные осетины не осознают, что особым действием разграничивают функции „Бога/Хуыцау“ и „солнца/хур“, составляющих одну космологическую сферу» (с. 121—122).

В случае траурной трапезы, отмечает автор, «пироги подаются четными числами, причем основным является число „два“. Как попытались разъяснить информаторы, в отличие от первого варианта (праздничного стола. — А. Д.), отсутствует средний пирог, символизирующий солнце, а символы земли и Бога остаются неизменными».

Весьма интересным является описание акта жертвоприношения, являющегося неотъемлемым атрибутом практически всех календарных праздников осетин. Автор книги рассматривает жертвоприношение через призму традиционного миропонимания осетин, воспринимавшего человека как часть породившей его природы и изначально включенного в сложный космический мир с сакрализованными предыдущими поколениями объектами и явлениями природы.

В этой главе автор дает характеристику и другим основным продуктам традиционного осетинского застолья — мясу и пиву, особо отмечая при этом важную роль пива в религиозно-магических обрядах прошлого, а также его место в сложной системе космогонических воззрений осетин.

В последнем разделе III главы — «Святости застолья» — описан ритуал традиционного осетинского застолья. Автор книги исследует не только мифоритуальную сторону осетинского праздника, но и его социальную функцию, что не менее важно для более глубокого понимания внутренних связей, обеспечивавших функционирование традиционного осетинского общества как сложного этносоциального организма.

В заключении III главы автор обращает внимание исследователей на необходимость проведения работы по сбору, систематизации и интерпретации молитвословий как одного из интереснейших, но до сих пор не изученных элементов традиционной духовной культуры осетинского народа, неотъемлемой части любого ритуального пиршества.

IV глава посвящена развлекательной стороне осетинского праздника. В первом разделе указанной главы автор впервые в отечественной этнологической науке предпринимает весьма удачную, на наш взгляд, попытку систематизации и функционального анализа религиозно-магической, развлекательно-эстетической и дидактической функций осетинской народной хореографии. Аналогичную попытку предпринимает Вилен Уарзиати и по отношению к другой малоизученной стороне традиционной праздничной обрядности, каковой является обрядовое ряженье, занимавшее в прошлом важное место не только в календарной, но и в семейной обрядности осетин.

Заключает книгу раздел, посвященный описанию разнообразных видов конных игр и состязаний — скачек и джигитовок, являвшихся неотъемлемым элементом многих календарных и семейных праздников осетин. Читатели найдут здесь описание такой популярной в прошлом конной игры, как игра с флагом (*тырыса скъафан*), описание ряда скачек и конных игр, связанных с поминальной обрядностью, а также широко бытовавшего в прошлом у осетин обряда посвящения коня покойнику — *баехфелдисаен*.

Отличительной особенностью книги является отсутствие академической сухости изложения, порой свойственной подобным научным изданиям. Написанная живым, увлекательным языком, книга заставляет по-новому посмотреть на многие, казалось бы, известные стороны традиционного быта осетинского народа, увидеть в них отражение мифологической, космогонической и философской мысли далеких предков, другими глазами посмотреть на уникальное культурное наследие народа и место его в мировой цивилизации.

Несомненно, монография «Праздничный мир осетин» привлечет внимание всех, кого интересует этнография осетинского народа.

А. Б. Дзадзиев

© 1996 г., ЭО, № 5

Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. ТТ. I—III М., 1995. Т. I. 316 с., Т. II. 317 с., Т. III. 300 с.

Антология, составленная М. Н. Губогло и И. В. Нам, выпущена под редакцией М. Н. Губогло в серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» при финансовой поддержке независимого благотворительного фонда «Форос». Антология — не очень строгая форма подбора материалов, оставляющая составителям значительную свободу действий, и настоящий сборник содержит большое количество текстов разных жанров и разной тематической направленности.

Первый том включает в себя, помимо двух предисловий (соответственно от редактора и от составителей), объясняющих цели и задачи публикации, статью М. Н. Губогло «Тактика и стратегия национальной автономизации и деавтономизации в посткоммунистической России», содержащую анализ возможных направлений национальной политики в стране, 9 авторских материалов начала XX в., посвященных идее национально-культурной автономии (извлечения из монографий известных теоретиков австрийской социал-демократии Карла Реннера (Р. Шпрингера) и Отто Бауэра, а также работы отечественных авторов М. Б. Ратнера, В. Медема, М. Грушевского и др.), 6 статей современных российских специалистов по этническим проблемам и 26 документов российских политических партий начала века.